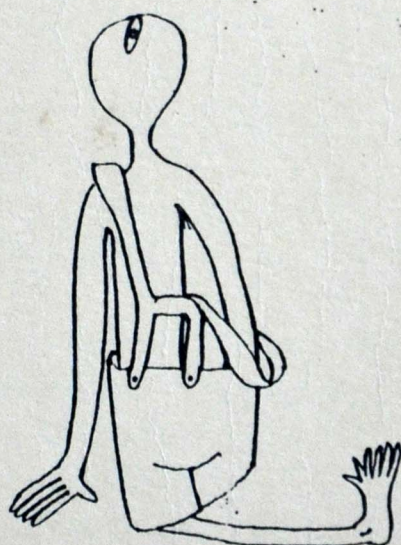

И. МДЛЕР

МЕРЗАВЧИКИ

"М." 200.

200.00.

портрет Р. Мендоса

52 1506

I. Maler. MERZAVTCHIKI

© автора

Художник А. Шонберг

АРХиП
Иерусалим 1993

Исраэль МАЛЕР

МЕРЗАВЧИКИ

Утренник

Утро начинается с рассвета.

С подъема до завтрака мы предоставлены сами себе.

Николенька, взобравшись на табурет, читает рассказы Мамлеева. Читает наизусть. Со вкусом. В лицах. И при каждом упоминании покойника сладко пукает.

Мы в восторге топаем ногами и свистим по-американски.

Однажды Ниночка не выдержала, вскочила к Николеньке на табурет и поцеловала его взасос в лобик. Сереженька расплакался, оторвал пуговичку, пришитую к носу, упал и горько стукнулся об пол. Сереженька любит Ниночку. Любил.

А Ниночка к нему подбежала, головку его пристроила у себя на коленях, даже обняла и принялась объяснять:

— Сереженька, ну какая любовь между нами? Ты любишь со мной на травке кататься? Так я тебе обещаю — завтра мы с тобой покатаемся. А сегодня я с Николенькой покатаюсь. Он нам так славненько рассказы рассказывает. А завтра с тобой. Только с тобой. Хорошо? А любовь — это другое. Любовь — это возвышенное. Когда душа в балете плывет под луной. Ты все понял, мой хороший? Вот и ладненько.

А Сереженька кивал и ел с пальчика. Все тоже были согласны. Кроме Коленьки, который любил с Николенькой по травке кататься. И тогда ему Гриня как заедет, чтоб французскую любовь от любви отличать научился. Я про себя подумал, если любовь — балет под небесами, то падать больно, останавливаться нельзя, пляши и пляши.

На завтрак нас зовет баба Настя. Так прямо и кричит в глушитель: "Завтракать".

Кормят нас по утрам вкусно. Или какао с оладушками, или клюквенный морс со сливками. Если кому удастся на бабу Настю мисочку опрокинуть, все вместе облизываем ее. А она сердится в шутку, вроде ей не нравится, как мы облизываем. Но лучше нас в этом деле никого нет. Только Мурочку она отгоняет. У Мурочки язык шершавый, как у кошки.

После завтрака баба Настя кого-нибудь наказывает, а остальных отправляет на лужайку к Веронике Васильевне. Добиться наказания нелегко — что может быть лучше, чем остаться с нянечкой на кухне, а если еще и в угол поставит — полное счастье. В углу штукатурка самая-самая вкусная. В углу писать интересно.

Еще в углу можно изменить ненадолго форму носа.

Если мы ссоримся из-за наказания, баба Настя просто берет веник и выметает нас за порог. И только Степанчик способен избежать веника. То есть излететь, потому что он становится "мыльным пузырем".

Между фанерной летней кухней и игротекой — зеленая лужайка. На этой лужайке нас по утрам поджидает наша любимая Вероника Васильевна. Она большая, красивая, в белом халате. Она ждет нас в шезлонге с книжкой на коленях. Она думает, что мы еще маленькие, и любит читать нам сказки и детские стихи из программы для внеклассного чтения.

Наша Вероника Васильевна похожа на праздничный пирог, который нам раз в году присылают шефы.

Как-то высыпали нас на лужайку, а Вероника Ва-

"H. W. L.

92. AM. 06

сильевна задремала на солнышке, сдобная, в кудряшках и грудь большая. Расселись мы вокруг тихонечко и болтаем о том, о сем.

Мне Митенька и говорит: "Чем больше нас будет, тем быстрее нас переведут в открытый интернат". Митеньку мама навещала, и поэтому у него была матроска с бескозыркой "Стремительный".

— Мы ведь ничем не отличаемся, — говорит мне Митенька, — от людей. Только у них на голове и между ног волосы растут, а у нас — нет.

— Как это между ног? — удивился я — Быть того не может, чтоб волосы между ног! Зачем?

— Проверим?

Митенька сжал бескозырку в кулачок и пополз по теплой ноге Вероники Васильевны. А она в солнечной дреме думала, наверное, не Митенька ползет, а муравей или клоп лесной, ладошкой хлоп по ноге.

Алкоголик доктор Шварц и инспектор Козодой составили акт. Дворник Петя вырыл щепкой под елью ямку и уложил туда Митеньку. Завернули его в мох, чтоб мягче ему было. Землей засыпали, а сверху — бескозырку с двумя ленточками — воробьям на гнездо.

Так нас стало меньше.

Всех тотчас же отправили на мертвый час по кроваткам. День был душный, простыни горячие, подушка теплая. Как я ни ворочался, все уснуть не мог. И так подушку крутил, и этак.

А потом я перебрался в Митенькину кроватку и сразу уснул. Простынка у покойничка была прохладная.

Исраэль МАЛЕР

МЕРЗАВЧИКИ

Полдник

Я проспал подъем. А мерзавчики после мертвого часа вскочили и вдруг увидели, что в митенькиной кровати кто-то лежит, с головой завернувшись в простынку, и постанывает.

Что началось! Дергунчики, моргунчики и корчи. У кого-то бельмо по всему лицу расплылось, у кого-то пальчики слиплись, а Коленька с Николенькой ничего не говорили, а только мычали, словно инвалидные коляски.

Я был уверен, что ребята мне теперь какую-нибудь обструкцию устроят. Но Степанчик меня локтем под столом толкнул и кивнул на выход.

— С вами?

— Ей-бо.

Он сказал Бог с маленькой буквы, хотя я-то пишу Его только с большой. Я хорошо чувствую, когда надо с большой, а когда с маленькой. Когда с большой — у меня в попке свербит, а палочка встает. Меня Вероника Васильевна из-за этого на диктанты не пускает: как попку захочу почесать, палочка о парту стучается, все сразу пишут большую букву.

Зато когда для бабы Насти поэмы Баркова переписываем, мне цены нет. А дворник Петя эти списки

на базар сносит и меняет на огурцы малосольные и простыни из ремеслухи. Простыни эти и нам нарежут, и между собой поделят комендант, инспектор, дворник и няня. Есть еще один, о котором мы ничего не знаем.

Короче, побежал я за ребятами с тапочками в руках, чтоб бежать тише. А собирались мы в одно тайное место — подвал, где хранился наш Главный Сокровищ.

Это — маленький мальчик, в косоворотке, подпоясанной ремешком, а подмышкой он держит книгу. Когда мы только переселились сюда — белый мальчик стоял в глубине двора, но потом плохие люди отломали ему кудрявую головку и похитили ее.

Мы любили мальчика, хотя он ростом был еще ниже доктора Шварца. Мы водили вокруг него хороводы, возлагали венки из цветов и мертвых пчел. Мы ему даже свадьбу сыграли с Люсенькой. Она разрядилась в белое и посыпала лицо и волосы мукой.

Обыскав весь сад, мы не нашли мальчиковой головы. Все вместе увечного перетащили в подвал. Подвал был старый, заброшенный, и мальчик мог себя чувствовать в безопасности.

У мальчика мы собирались, чтобы отмечать дни рождений, свадеб (это были наши секретные свадьбы) и другие торжественные даты.

Девочки обметали мальчика метелками, потом выгоняли из него мышей и зажигали свечи. Мальчик оживал и смотрел на нас глазами отсутствующей головы.

Собрались мы на провода Митеньки, как вдруг с потолка посыпались комья земли, а потом, прямо на мальчика, упал дворник Петя с полной авоськой пустых бутылей.

После минутной растерянности я схватил осколок белого мальчика и выскочил из подвала. Каждый из нас успел унести по осколку.

Мы храним их в тайных местах и мечтаем о тех временах, когда сможем мальчика склеить.

Исраэль МАЛЕР

МЕРЗАВЧИКИ

Вечерня

У Женечки пропал белый осколок.

Женечка решил покончить с собой и засунул голову между дверью и притолокой. Но не повезло ему. Баба Настя и дверью хлопнуть не могла — у Женечки только ушки на затылке склеились. Доктор Шварц ему ничем не помог, и воспитательница обругала доктора, мол, только фиолетовую жидкость и знает.

Мы потайными путями передали фотографию Женечки в журнал "Здоровье", но там ее не опубликовали. Ответили, что Женечка — фотофокус или фотомонтаж. И — плохой. А еще через три дня — новое происшествие.

Инспектор Козодой позвал к себе в "резиденцию" Томочку. Он ее, когда сердит или под-фуше, всегда к себе вызывал. Потому, что Томочка умела трубочкой складываться. Но в этот раз что-то у них не получилось, и он ее выкинул в коридор.

Томочка плакала и сказала, что хочет к маме.

И такая пошла полоса.

Баба Настя подала по собственному желанию. Говорит, домой собралась. А еще приняли на работу нового сторожа, и он все шутки шутил над нами. И Вероника Васильевна чего-то погрустнела.

М

А в

Лешенька был среди нас не самый знающий, но сообразительный.

— У меня, — сказал Лешенька, — как-то палец на ноге так опух, что стоял на нем. А у Коленьки по средам вода в коленке. У Сереженьки не желудочек, а сплошная прямая кишка. Я хочу знать, кто мы и откуда мы пришли. Когда гончар работает кувшин, у него на кругу крошки остаются. Может быть мы — крошки? Или мы — кувшин? И потому нас тут держут, как соловьев в клетке? Я сегодня ночью удеру, а когда все разузнаю, вернусь и вам расскажу. Каковой ни была бы правда. И тогда мы ответим на третий вопрос: куда мы пойдём?

Исразль МАЛЕР

МЕРЗАВЧИКИ

Ночное

Мы ушли все.

Только Петруша остался. Но это — ничего. Он — прозрачный.

Сначала Лешенька ушел в разведку, а мы вели себя, словно бы ничего не происходит. Но сами ждали.

Мы веселились, прыгали и играли в заковыки, как обычно.

Наша теплая воспитательница, ни о чем не догадываясь, сказала, что она выскочит за кефиром, сбегает и вернется, одна нога — здесь, другая — там.

Одна нога — здесь, другая — там. Разве это не весело? И мы принялись изображать, кто как мог, одну ногу — там, другую — здесь. Некоторые так перепутались, что походили то ли на двадцатиногого осьминога, то ли на многоножку, то ли на неизвестный вид мерзавчика.

Мы с Наташенькой изобразили осьминога-черепаху, но потом она решила дать мне пощечину, но не дала, так как не могла вспомнить, где у нее нога, где рука.

Прикидывается. Не нравилось бы — вспомнила. Где у ней что.

О том, что нас необходимо "двигать", я узнал совершенно случайно. Меня как-то размазали по стенке.

"H"

Aw-93

(Так инспектор называл один из способов наказания — нас лепили на стенку за шкафом у него в кабинете.) Размазать меня размазали, но забыли. Тут заходит к инспектору воспитательница, и он ей выговаривает: "Пусть, — говорит, — они больше двигаются; чем они больше в движении, тем лучше; пусть прыгают, бегают, танцуют, в салки, в конце концов, играют в казаки-разбойники; больше двигаться, меньше читать, меньше думать; а читать, так стихи, Евтушенко там или Жарова; но как можно меньше информации. Их мир — интернат!"

И вот — мы прыгаем, танцуем, двигаемся, а о Лешеньке стараемся не думать. Как вдруг — дверь нараспашку, входят инспектор, доктор, Вероника Васильевна, дворник Петя и нянечка. У всех лица взволнованные. У дворника и доктора — носы красные, а у бабы Насти — глаза. Запустил инспектор руку в карман и из него Лешеньку вытягивает. Лешенькина нога за подклад кармана зацепилась и вытянулась, каждая веночка видна стала. Инспектор сердито дернул Лешеньку и швырнул его на стол.

— Допрыгались! — закричал инспектор — Доигрались! Теперь всех на нет сведем!

Вот тогда-то мы заметили у него в руке мухобойку — кусок шины, прибитый к ручке от веника. Он бросил ее на стол возле Лешеньки.

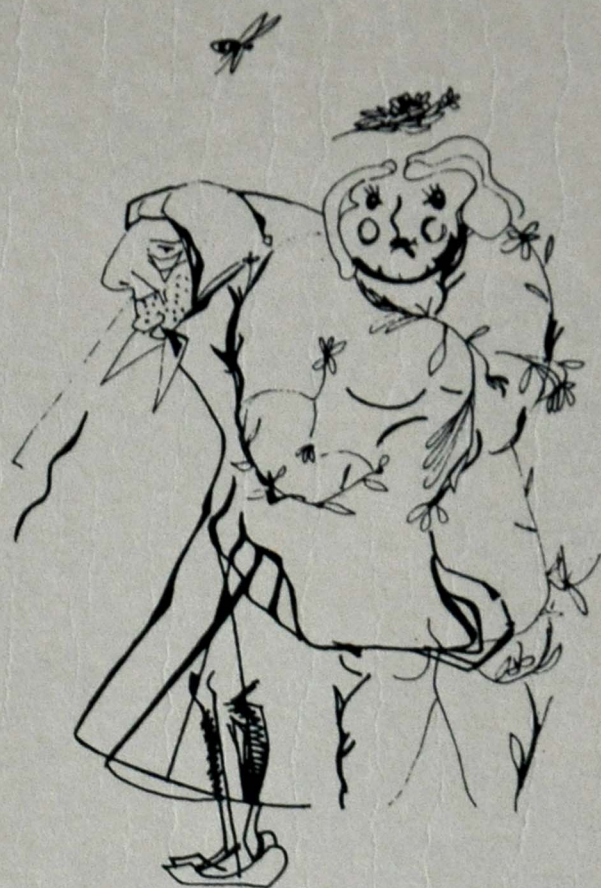
— Петр Алексеич, к вечеру доложите!

И вышел. Вслед за ним — доктор Шапиро.

— Дела, — только и сказала Вероника Васильевна, — что делать будем?

— Что делать, что делать? — заворчал дворник. — Снять штаны и бегать! В солдатики их не сдашь, значит пора рвать когти.

К вечеру мы ушли в холмы, словно адамовы кролики. А потом мы устали, и дворник Петя собрал нас всех в рюкзак. А потом и он устал. А Сереженька закричал: "Не садись на пенек, не ешь пирожок!" И

"М"

АШ 93

все рассмеялись. А тут и дорога в холм стала дорогой с холма.

Воспитательница и няня постучали по камню и сказали:

— Тут вам и жить. Не обижайтесь.

— А нам чего, — сказали мы, — нам ничего. Были тверские, стали ямские, — ответили мы.

И с тех пор никогда никого не видели и ничего не знаем.